

Патриарх Никон — книжник и идеолог «переходного» времени

Личность патриарха Никона — знаковая для истории и культуры России XVII в., хотя деяния и характер шестого российского патриарха до сих пор не получили однозначной оценки, несмотря на заметно возросший в последнее время интерес к ним. Патриарх Никон оставил разнообразное и необычайно интересное литературное наследие, в котором значительное место занимают эпистолярные и духовно-назидательные сочинения. Однако интерес к этим текстам не столь значителен, как к литературной и книжной деятельности его современников и противников — идеологов раннего старообрядчества — протопопа Аввакума, дьякона Федора; монастырских книжников и царя Алексея Михайловича; патриархов Иосифа и Иоакима, архиереев Афанасия Холмогорского, Димитрия Ростовского, сибирских Нектария и Симеона; грекофилов — писателей патриаршего круга и их идейных противников — «западников». На этом фоне крупная историческая фигура патриарха Никона — «белое пятно»¹.

Произведения патриарха разнообразны по форме и содержанию, стилю и методам авторского самовыражения; тексты Никона различаются по степени «литературности» и проявлению в них личностного начала. Желание патриарха Никона взяться за перо определялось жизненными обстоятельствами его биографии. Патриарх Никон больше всего известен как автор полемиического сочинения, составленного в традициях жанра прения — «Возражения» на вопросы боярина Симеона

Стрешнева и ответы на них газского митрополита Паисия Лигарида². Между тем ему принадлежит и огромное эпистолярное наследие³ — это разные типы писем и разные эпистолярные сочинения, окружные послания о Крестном монастыре и моровой язве. Патриарх Никон — автор духовно-назидательных сочинений — «Наставления царю» и завещания-устава для братии Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, а также «Слова богополезного о создании монастыря Пресвятыя Богородицы Иверския» в составе сборника «Рай мысленный» (Иверский монастырь, 28.X.1658).

В текстах патриарха присутствует не только автор — человек книжный, образованный, размышляющий о христианских ценностях. В них слышен голос главы Русской церкви, поэтому в сочинениях владыки в разной мере воплощаются его представления об отношениях государства и Церкви, о роли духовной власти и о месте человека в государственном устройстве. Значительная часть его посланий адресована царю Алексею Михайловичу, к которому обращается Никон как к человеку, с которым его связывали узы духовной дружбы, с одной стороны, а с другой, как к монарху, который олицетворял собой государство в целом, светскую власть.

Мировоззренческие установки автора и его непростые взаимоотношения с царем определяют тематику и цель сочинений Никона. Патриарх писал скорее по необходимости, а не по велению души; основная часть его текстов составлена после оставления патриаршей кафедры: Никон активно реагировал на события, связанные с его «делом», защищался от нападок недругов, призывал царя к соблюдению православных законов и обличал тех, кто жил не по «чину», покушался на государеву честь. Писательский труд для Никона, вероятно, был формой практической реализации важнейшей обязанности пастыря бороться со злоупотреблениями власти, с пороками, которые он видел в современном ему обществе. Для Никона, как и для многих его современников, сторонников и идейных противников, писательство стало важнейшим способом выражения его идей.

Специфика произведений Никона в том, что они имели *вне-литературные цели*. Анализ авторских приемов построения эпистолярных текстов и назидательных сочинений Никона позво-

ляет увидеть, каким образом в них сочетаются традиционные и новаторские методы и приемы, насколько автор, как идеолог и политический деятель своего времени, сознательно овладевает искусством воздействия на своего предполагаемого читателя.

Эпистолярные тексты Никона тесно связаны с различными периодами его архиерейского служения, каждый из которых характеризуется определенным типом письма. Уникальность эпистолярных сочинений патриарха в их «серединном» положении между строгим деловым письмом и литературным посланием; среди писем патриарха Никона есть как «чистые», так и «переходные» типы писем от формулярного послания к посланиям, отражающим новые формы осмысления действительности характерные для писателей Нового времени.

Из эпистолярных текстов Никона наиболее интересны послания. Этот жанр в творчестве патриарха продолжает эпистолярную традицию Древней Руси: многие послания составлены в традициях послания-поучения — основного на Руси типа письма. В традиции апостольских посланий — самых авторитетных образцов эпистолярного жанра — Никон вел переписку с царем из ссылки в Ферапонтовом монастыре. Литературная природа отдельных посланий и грамот патриарха Никона царю подтверждается существованием их в рукописной традиции: последователи и ученики патриарха Никона, читатели более позднего времени проявляли интерес к сочинениям владыки, его взглядам и способам их выражения.

В полемических целях и для усиления публицистичности повествования патриарх Никон использовал традиционный жанр «видений»: рассказы о собственных духовных опытах и откровениях свыше, построенные по законам жанра и своей тематикой связанные одновременно с книжной традицией и с народной культурой. Эти рассказы автор умело встраивал в эпистолярные тексты или прикладывал в качестве приложений к готовым посланиям царю. Содержание видений патриарха Никона всегда выражало мнение автора о превосходстве духовной власти.

Назидательные сочинения патриарха Никона имеют свои литературные подобию и образцы, ориентируясь на которые патриарх Никон создавал оригинальные произведения, обладающие своей спецификой.

Окружные послания патриарха Никона, изданные на московском Печатном дворе в 1656 г. — «Грамота о Крестном монастыре» и «Поучение о моровом поветрии», — составлены в традициях окружных посланий русских иерархов и по форме, лексическим и стилистическим особенностям им соответствуют⁴. Специфика этих сочинений Никона очевидна при сравнении их с окружными посланиями первосвятителей, современников патриарха — его предшественника, пятого патриарха Московского и всея Руси Иосифа, которому атрибутируется сборник «Патриаршее поучение», и следующего после Никона патриарха всея Руси Иоакима, автора «Слов» против раскольников. Все эти произведения появлялись как отклики на актуальные события политической и церковной жизни. В качестве источников назидательных посланий пастве просвещенные иерархи привлекали преимущественно одни и те же печатные книги — Острожскую Библию 1581 г., «киевские» издания «Бесед на Деяния апостолов», «Маргарит», «Толкование на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, а также Евангелие, Апостол, Пролог «московской печати», современной иерархам.

Индивидуальность каждого автора отразилась в посланиях по-разному. «Поучение» патриарха Иосифа, не называвшего прямо ни дат, ни событий, ни виновников происходящего, существовало поэтому как бы вне исторического времени⁵; Никон и Иоаким открыто указали на причины, побудившие их взяться за перо, и выступили против своих противников по чисто церковным вопросам, точно сформулировав свою и чужую позиции. Окружные послания московских патриархов не были распространены в рукописной традиции, а изданы при жизни святителей на московском Печатном дворе одинаковым тиражом, но при этом грамоты патриарха Никона опубликованы отдельными книгами, а послания Иоакима и Иосифа в составе сборников, в окружении разных текстов.

«Наставление царю» патриарха Никона, составленное на основе «Нравственных правил» Василия Великого, адресовано лично царю Алексею Михайловичу⁶. К работе с текстом оригинала Никон подошел творчески: оставил неизменными те правила и главы, которые в большей степени могли быть обращены к конкретному человеку, и обратил внимание адресата

прежде всего на его обязанности чтить Бога, соблюдать заповеди, духовное предпочитать мирскому и быть во всем верным Богу. Наставления отца Церкви с общими правилами о благочестии после обработки их Никоном приобрели индивидуально-личностную направленность. Никон предложил Алексею Михайловичу программу христианского спасения и покаяния, обратившись к царю прежде всего как к человеку и христианину.

Завещание-устав патриарха Никона, адресованное братии Воскресенского монастыря, — произведение полностью компилятивное, создано в византийско-русских традициях жанра⁷. В отличие от завещаний игуменов монастырей, регламентирующих разные стороны монастырской жизни, патриарх Никон сосредоточился на поддержании строгой дисциплины в своей обители и ответственности настоятеля за каждого монаха. Источник уставной части завещания — минейная редакция «Устава» преподобного Иосифа Волоцкого. Идея укрепления Русской Церкви и поднятия благочестия Святой Руси через воспитание духа, строгий аскетизм, соборную молитву и покорность настоятелю монастыря определила специфику произведения Никона. Воскресенский монастырь на реке Истре воссоздавал топографический облик исторической Палестины и осмысливался Никоном как образ — «икона» одновременно и Святой Земли — место жизни и подвига Иисуса Христа, и «Новой земли» «будущего века», Иерусалима Нового. Поэтому монастырь был нарочито населен разноплеменным братством, людьми разных национальностей. Монастырь, подобно Афону, оказывался, таким образом, как бы католическим центром православного подвижничества. Монастырь должен был стать школой дисциплины и субординации. Но, вероятно, была и другая причина для обращения Никона к сочинению Иосифа Волоцкого. Минейная редакция «Устава» была создана во второй период творчества волоколамского игумена, когда он становится решительным сторонником великокняжеской власти. Видимо, мысль о покровительстве монастыря светским правителем, одна из ведущих в сочинении волоцкого старца, стала особенно близка Никону после оставления им патриаршей кафедры. Известно, что Воскресенский монастырь «Новым Иерусалимом» назвал сам царь Алексей Михайлович и обещал патриарху Никону ока-

зывать помощь в возведении обители⁸. В образе Алексея Михайловича — покровителя патриаршего монастыря — «иконы» Святой Земли Никон стремился реализовать свои представления о сохранении светским правителем благочестия Святой Руси и о верности московского царя православным традициям.

Усиление личностного начала — одна из ярких примет «переходной поры» русской литературы. В эпистолярных сочинениях патриарха Никона эта особенность проявляется, прежде всего, в стилистике его произведений, где сосуществуют книжный и разговорный язык, книжные сюжеты и народно-поэтическая образность. Языковая дихотомия текстов патриарха Никона определяется содержанием и целью его сочинений. Новгородские «отписки», ферапонтовские и отчасти московские письма Никона царю написаны сухим деловым языком с разговорными интонациями; и именно здесь при обличении личных недругов и людей, порочащих государеву честь, патриарх использует стилистику народной речи. В переписке Никона с царем из Воскресенского монастыря при обсуждении событий, связанных с «делом» Никона, в утешительных посланиях грекам, в наставлениях Алексею Михайловичу и духовном завещании преобладает книжный язык. Анализ приемов авторского повествования патриарха Никона позволяет заключить, что он обращается преимущественно к тем словесно-стилистическим средствам, которые связаны с проявлением сильной эмоциональной активности автора: разные типы повторов (фонетические, лексические, синтаксические, морфологические), неупорядоченные подобные созвучия, риторические вопросы и восклицания, метафоры и сравнения, библейская фразеология. Риторика книжной речи необходима автору не только для того, чтобы встроить свои тексты в традицию ораторского красноречия, но и для того, чтобы оказать эмоционально-дидактическое воздействие на адресата, полнее раскрыть аргументацию, соединить содержательный и психологический аспекты ведения полемики.

Укорененный в традиции средневековой книжной культуры, Никон, будучи непосредственно причастным к изменениям и «переменам» в культурной жизни России середины — второй половины XVII в., использовал в своем творчестве как раз

те экспрессивно-эмоциональные стилистические приемы, которые были особенно характерны для древнейшего периода русской литературы конца XIV–XV в., когда в центре внимания книжников оказались отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира. Но скорее не столько культурную, а политическую жизнь периода становления и укрепления Москвы как центра и хранительницы истинного православия, периода автокефалии Русской Церкви идеализировал патриарх Никон. Московский владыка призывал царя Алексея Михайловича обратиться к национальному опыту «образцовых» взаимоотношений светской и церковной властей, когда успехи светской власти достигались благодаря поддержке и духовному руководству власти церковной.

В работе с традиционными источниками проявилась специфика Никона-писателя и книжника. Цитаты и сюжеты из них Никон вводил в свои тексты типичными, выработанными веками приемами. Самый востребованный источник сочинений патриарха — Священное Писание (в переписке с современниками — единственный). Патриарх Никон предпочитает цитацию источника, при этом воздействует на читателя цитатной массой, поражая адресатов избыточностью и чрезмерностью заимствований. Нагромождение цитат — традиционный полемический прием, при котором количество не углубляло содержание, а было направлено на варьирование конкретных идей.

Главный принцип работы с традиционным текстом у патриарха Никона — составительский, причем при компилировании заимствованных из выдающихся образцов христианской литературы огромных текстовых фрагментов (так составлено завещание-устав, «Грамота о Крестном монастыре» и «Поучение о моровом поветрии»), при использовании в качестве «донорских» текстов произведений классиков византийской духовной литературы (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Синаит) автор стремился сохранить их аутентичность.

Составительский характер работы патриарха Никона с текстами его сочинений отчасти объясняется спецификой готовящихся при нем изданий. Патриарх Никон проявлял личную заинтересованность к новым изданиям, которые обладали,

прежде всего, иной структурой и составом. Так, в книгу Кормчую 1653 г. были включены дополнительные статьи, по сравнению с Иосифовской Кормчей, содержание которых обосновывало и подкрепляло идеи реформаторской деятельности патриарха Никона⁹. В 1655–1656 гг. под наблюдением Никона был издан компилятивный сборник «Скрижаль». Патриарх Никон творил в русле византийско-славянской книжной средневековой традиции, следуя традиционному принципу конструирования текста: «чужие» тексты, оставаясь практически неизменными в создаваемых на их основе и при помощи них сочинениях, вступали во взаимоотношения между собой на всех уровнях структуры нового текста и обогащали его новыми смыслами¹⁰.

Традиционное отношение патриарха Никона к словесному творчеству отражает понимание существа авторства и авторского самосознания, характерного для второй половины XVII в. среди книжников патриаршего круга, поборников греко-византийской традиции, боровшихся против массового проникновения западных «новин» в русскую жизнь. Близкими к патриарху Никону по духу творчества и пониманию писательского мастерства я бы назвала двух писателей и переводчиков, творивших в стенах Чудова монастыря, известного литературного центра и оплота «старомосковской» партии, — инок Евфимия и иеродиакон Дамаскина — представителей умеренного крыла партии реформаторов.

Противник «латинумудрия», укорененный в святоотеческую и древнерусскую традицию, патриарх Никон в то же время был открыт для восприятия западнорусских тенденций в церковной культуре, если они соответствовали духу православия. В его сочинениях можно обнаружить тенденцию критического отношения к тексту, которая в середине XVII в. особенно ярко проявилась в работе справщиков московского Печатого двора. Наличие в текстах эпистолярных сочинений Никона лексических вариантов библейских цитат (фрактат) или предпочтение московских изданий библейских книг Острожским (с вариантами цитат в них) свидетельствует об особом отношении патриарха к библейскому тексту. Как оказалось, с текстом Библии можно «работать», чтобы обнажить и выразить его глубочайшее духовное содержание с максимальной полнотой и доход-

чивостью, создать условия для наиболее адекватного восприятия читателем библейского текста¹¹. Эта работа Никона над лексикой библейских цитат напоминает работу справщиков Печатного двора при подготовке первых никоновских изданий, когда в текст посредством глосс вносились изменения не только грамматические, но и лексические¹².

Новое отношение к книге и Священному Писанию в частности, характеризующее работу книжников и писателей середины-второй половины XVII в., было результатом повышения образованности и грамотности русского общества. Но если «латинствующий» Симеон Полоцкий связывал способ восприятия псалмов с рифмой, ритмом и нотами, то патриарх Никон методы установления адекватного понимания текста заимствовал из русской средневековой культуры, греческой патристики и византийской литературной традиции «адекватного понимания литературного произведения», которая, как известно, предполагает «обязательное толкование» библейского текста и «обращение к исходным текстам-образцам»¹³.

По отношению к словесному творчеству патриарх Никон — «грекофильствующий традиционалист», письменное наследие которого, с одной стороны, опирается на традиции средневековой культуры, где находит выработанные веками возможности для выражения современных автору идей, с другой, — отражает новаторские тенденции, характерные для зарождающейся литературы Нового времени, связанные с возрастанием личностного начала и усилением роли автора.

Письма и послания патриарха Никона, его духовно-нравственные сочинения можно рассматривать как программные тексты для XVII в., в которых московский патриарх отчетливо сформулировал собственные представления об идеальном православном правителе и качествах патриарха. Несмотря на то, что концепция патриарха Никона в эпистолярных и духовно-назидательных сочинениях не была еще оформлена в цельную и стройную систему, а подана фрагментарно, в связи с обсуждением конкретных событий, важнейшая ее идея состояла в том, чтобы возвысить значение и влияние Церкви. В качестве идеального светского правителя патриарх Никон видел православного царя, верного греко-византийскому православию, строи-

теля христианской православной империи. Образец для особых отношений государства и Церкви Никон находил в древнейших периодах русской истории и в византийской концепции «симфонии» между ними: каждая из властей выполняет присущие ей функции, но духовная власть есть направляющая и основополагающая. Его идеи получили новое звучание в творчестве писателей патриаршего круга второй половины XVII в. и дали толчок для создания множества сочинений, в которых обсуждалась тема священства и царства¹⁴.

Подобие высоким византийским образцам пронизывает разные грани деятельности патриарха Никона, направленные на поднятие авторитета Русской Церкви. Близкими по духу становятся для патриарха Никона идеи социального служения преподобного Иосифа Волоцкого, который, по словам отца Георгия Флоровского, даже внутреннее подвижничество осмыслял «как особого рода религиозно-земскую службу», и в систему «Божия тягла» включал и самого царя, право власти которого напрямую зависит от меры соблюдения им Закона Божия и заповедей. Между тем философ отказывает и самому преп. Иосифу, и его последователям в причастности к культуре, поскольку им был чужд «творческий пафос», и относит их к типу собирателей и строителей, но не творцов и созидателей, исходя из того, что они принимали в культуре лишь те ее проявления, которые ни в чем не противоречили «благочинию и благолепию»¹⁵.

Парадность, избыточность, торжественность, барочная лектика, замысловатость и символичность форм — все это характерно для монастырской архитектуры, созданной под руководством патриарха Никона. И сочинения патриарха при стремлении автора к соблюдению формальных признаков того или иного жанра порой поражают громоздкостью, напряженной эмоциональностью в сочетании разговорных интонаций с приемами ораторского красноречия, совмещении традиции и новизны. Никон работал как типичный древнерусский книжник. Его тексты свидетельствуют скорее не о писательском таланте, а о знаниях законов писательского ремесла, его традиций и норм, подчиненных внелитературным, общественно-церковным целям и идеям. Возможно, поэтому его сочинения не только отразили противоречия характера и сложность натуры мос-

ковского владыки, но и запечатлели «пестроту» русской культуры «бунташного» XVII в., в котором жил Никон и ярким представителем которого он стал.

Примечания

- ¹ Внимание ученых привлекли лишь несколько публицистических произведений московского владыки: *Елеонская А.С.* 1. Полемика о «царстве» и «священстве» в русской публицистике 50–60-х гг. XVII в. // Очерки по истории русской литературы / Под ред. И.А.Ревякина. М., 1967. Ч. 1. (Уч. зап. МГПИ. № 256). С. 61–71; 2. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 29–60; *Ромодановская Е.К.* Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 58–64; Письмо патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу / Подгот. текста и коммент. Н.В.Шухтиной // ПЛДР: XVII в. М., 1988. Кн. 1. С. 514–522, 669–674; *Люстров М.Ю.* Старинные русские послания (XVII–XVIII в.). М., 2000. С. 29–36.
- ² Текст издан четыре раза, но до сих пор не исследован: Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2 (изданы фрагменты 26-го «возражения»); *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. Vol. 1–6; History of the Condemnation of the Patriarch Nikon by a Plenary Council of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A.D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. London, 1871–1876 (текст издан на англ. Яз.); Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation» [«Возражение или разорение смиренного Никона, Божиею милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы», 1664 г.] / Edited, with introduction and notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin–N. Y.–Amsterdam, 1982. С. 80–673 (текст издан по одному случайному и неисправному списку); Никон, патриарх. Труды / Научн. исслед., подгот. док. к изд., сост. и общ. ред. В.В.Шмидта. М., 2004. С. 197–462 (текст издан по одному списку с ошибками и неточностями прочтения оригинала).
- ³ Мною изданы более ста разных типов эпистолярных текстов патриарха Никона; публикация снабжена историко-филологическим комментарием – *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.
- ⁴ *Севастьянова С.К.* Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Статрографический сб. М., 2005. Кн. 3: Крест как личная святыня. С. 336–403.

- ⁵ Булычев А.А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 187–196.
- ⁶ «Наставление царю» патриарха Никона. Исследование. Текст // *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 339–458.
- ⁷ *Севастьянова С.К.* Духовное завещание патриарха Никона // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов /Отв. ред и сост. Е.М.Юхименко. М., 2004. Труды ГИМ. Вып. 139. С. 226–247.
- ⁸ *Авдеев А.Г.* Кто и когда назвал Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом? // Человек и мир человека: Сб. материалов всерос. научн. конф. Вып. 2. Ч. 1. Рубцовск, 2005. С. 294–301.
- ⁹ *Белякова Е.В.* К вопросу о первом издании Кормчей книги // Вестн. церковной истории. 2006. № 1. С. 131–147.
- ¹⁰ *Сапожникова О.С.* Сказание о Яренгских чудотворцах и методы работы древнерусского автора // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 546–600.
- ¹¹ *Севастьянова С.К.* Библейская цитата и фрактата в посланиях патриарха Никона царю // Сборник науч. статей к юбилею Е.К.Ромодановской. Новосибирск (в печати).
- ¹² *Вознесенский А.В.* К истории дониконовской и никоновской книжной sprawy // Патриарх Никон и его время: Сб. научн. тр. /Отв. ред. и сост. Е.М.Юхименко. М., 2004. Труды ГИМ. Вып. 139. С. 143–161.
- ¹³ *Калугин В.В.* Предисловие // *Пиккио Р.* *Slavia orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. XII.
- ¹⁴ *Панич Т.В.* Книга Щит веры в историко-литературном контексте... С. 19–45.
- ¹⁵ *Георгий Флоровский, протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 18–20.